Али Нажва Фуад

Структурные типы и предметно-образные особенности сравнительных конструкций в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»

Багдадский университет

doi: 10.18411/sr-10-08-2019-50

idsp: sciencerussia-10-08-2019-50

Аннотация

В данной статье рассматривается важный стилеобразующий элемент художественного произведения – сравнение. Целью данного исследования является характеристика сравнительных конструкций, используемых в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского». В статье описываются структурные типы сравнений, дается их предметно-образная характеристика.

Ключевые слова: Л. Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», художественный текст, сравнение, сравнительные конструкции, троп, предмет сравнения, образ сравнения.

Abstract

This article discusses an important style-forming element of a work of art - comparison. The purpose of this study is to characterize the comparative constructions used in the story by L. Andreev "The life of Vasily Fiveyski". The article describes the structural types of comparisons, gives their subject-figurative characteristics.

Keywords: L. Andreev, "The life of Vasily Fiveyski", artistic text, comparison, comparative constructions, trope, subject of comparison, image of comparison.

Конец XIX – начало XX века – важный этап в развитии русской и, в целом, мировой литературы. Особенности литературного процесса этого периода во многом определялись переходным характером эпохи, обострением всех противоречий. С окончанием века было связано представление о завершении веры христианства [4, с.123], отсюда актуальность вопросов о религии, о Боге.

Л. Андреев был тесно связан с мировым литературным процессом как в разработке тем общих для литературы того времени, так и тем, что подобно своим современникам пытался найти наиболее выразительные художественные средства для передачи замысла произведения.

Повесть «Жизнь Василия Фивейского» «была для Л. Андреева произведением, в котором решались кардинальные для него вопросы творческого метода и стиля» [2, с.12]. Надо сказать, что произведение в свое время вызвало повышенный интерес критики, но целенаправленным изучением языка повести до сих пор никто не занимался. Анализ выразительных средств способствует более глубокому пониманию содержания произведения.

Сравнение является одним из самых распространенных средств создания образности художественного произведения. В основе этого тропа лежит сопоставление изображаемого предмета с другим по общему признаку. Обычно сравнение имеет три части: 1) что сравнивается – предмет сравнения; 2) с чем сравнивается – образ сравнения; 3) по какому признаку сравнивается – признак сравнения [3].

Сравнения Л. Андреева многочисленны и разнообразны по своей структуре. В тексте повести «Жизнь Василия Фивейского» имеют место двести пятьдесят шесть сравнительных конструкций. Основным способом оформления сравнения является конструкция с союзом *как*, присоединяющим сравнительный оборот или сравнительное придаточное (сто шестьдесят семь сравнений):

«И уже скоро понял о. Василий, что те люди, которые говорят ему одну правду, как самому Богу, сами не знают правды о своей жизни» [1, с.506];

«О. Василий загасил лампу, выбросил в окно трепетавшую бабочку и, бодрый, как после крепкого сна, полный ощущением силы, новизны... отправился в дьяконский сад» [1, с. 528].

В простом предложении сравнительный оборот вводится союзами *как*, *будто*, *словно*, *точно*. Сравнительный оборот может относиться к существительному, прилагательному или наречию:

«делает лицо, как у идиота» [1, с. 508];

«И от этих острых, как иглы, колючек и от кислого хрустящего крыжовника становилось еще скучнее» [1, с. 490];

«Попадья улыбалась радостно и светло, как ребенок» [1, с. 500].

Однако признак сравнения не всегда эксплицируется:

«хотелось скулить, как заброшенному щенку» [1, с. 490].

Сравнительный оборот может содержать временные определители:

«началась обедня, торжественно и просто, как всегда» [1, с. 547];

«И, как прежде, стала пить измученная попадья» [1, с. 499].

Если сравнительный оборот относится к сказуемому, то сравнительные конструкции с союзами обладают потенциальной предикативностью:

«в его помраченном сознании мелькала, как зарница, чудовищная мысль» [1, с. 496].

В сложноподчиненном предложении придаточная часть может относиться как к слову или словосочетанию в главной части (предложения нерасчлененной структуры), так и ко всей главной части (предложения расчлененной структуры).

Предложения нерасчлененной структуры, содержащие сравнения, могут быть определительными, компаративными, с местоименной связью частей.

В сложноподчиненном предложении нерасчлененной структуры сравнение имеет определительное значение. Наиболее частотными в повести являются предложения с союзом *как*, который менее специализирован, нежели другие союзы, вводящие придаточное со сравнением, в большинстве случаев союз *как* вводит так называемое достоверное сравнение.

«Лицо у нее было длинное, костлявое, как у отца, и стояла она, как обычно стоял он при разговоре: вытянув шею немного набок, с угрюмым взглядом: исподлобья» [1, с. 507].

Другое модальное значение имеют союзы *как будто*, *точно*, *словно*. Эти союзы употребляются для выражения условно-предположительного значения:

«она [фигура попа] казалась огромной и черной, как будто не имела она определенных границ и очертаний и была только частицей мрака, наполнявшего церковь» [1, с. 513];

«все недоступнее и суровее становилось лицо попа – точно каменело оно под градом больно бьющих, нудных слов мужика» [1, с. 511];

«Словно сам строгий закон причинности не имел власти над этой простой и фантастической жизнью: так неожиданно, так шутовски нелепо сцеплялись в ней маленький грех и большое страдание, крепкая, стихийная воля к такому же стихийному, могучему творчеству и уродливое прозябание где-то на границе между жизнью и смертью» [1, с. 511].

Союз *как будто* может вводить придаточное предложение меры и степени, указывающее на высшую степень проявления чего-либо:

«Ясный умом и слегка насмешливый, сильный, как лесной зверь, выносливый настолько, как будто в груди его билось целых три сердца, и когда умирало одно от невыносимых страданий, другие два давали жизнь новому – он мог, казалось,

перевернуть самую землю, на которой неуклюже, но крепко стояли его ноги» [1, с. 511];

«О. Василий приходил и молча усаживался в неосвященном углу; и был так безучастен он и спокоен, как будто не было ни крика, ни безумия, ни страха» [1, с. 500];

«Среди людей, их дел и разговоров о. Василий был так видимо обособлен, так непостижимо чужд всему, как если бы он не был человеком, а только движущейся оболочкой его» [1, с. 504];

Иногда в предложениях меры и степени используется союз *как*, в этом случае предмет или явление описывается как исключительное:

«Тихо было - так тихо, как бывает только в присутствие смерти» [1, с. 527].

Опорным компонентом в определительных предложениях меры и степени могут быть слова разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, количественные сочетания. Значение опорных компонентов часто усиливается местоименным прилагательным *такой*, наречием *так*.

«ответил Мосягин и дружелюбно оскалил белые зубы, такие ровные, как будто они были отрезаны по нитке» [1, с. 510];

«И в церковь, по утрам, он шел так, как идут люди на позорную и страшную казнь, где палачами являются все: и бесстрастное небо, и оторопелый, бессмысленно хохочущий народ, и собственная беспощадная мысль» [1, с. 519].

В предложениях с качественно-характеризующим значением важен сам факт сравнения, а не лежащий в его основе признак, поэтому признак сравнения не всегда называется:

«Она наливала четверть стакана водки, нерешительно добавляла еще и выпивала до дна, маленькими непрерывными глотками, как пьют женщины» [1, с. 502];

«Всеми силами разгоряченного мозга она вызывала милое лицо тихонького мальчика, напевала песенки, какие пел он, улыбалась, как он улыбался» [1, с. 500].

В предложениях с качественно-характеризующим значением функция придаточного предложения с союзом *как* по отношению к опорному слову такая же, как у определения в составе простого предложения.

«поспешно направлялись к нему, подошли ближе, замедлили шаги - и остановились в оцепенении, как останавливаются перед огнем, перед бушующей водой, перед спокойно-загадочным взглядом познавшего» [1, с. 530].

В присубстантивно-определительных предложениях отношения сходства устанавливаются при помощи слова *какой*, при этом отношения подобия могут устанавливаться не между разными классами предметов или явлений, а между одними и теми же явлениями, взятыми в разные временные отрезки, часто в таких случаях фигурируют слова со значением бытия, например, глагол *быть*. Сравнение часто акцентируется словами *такой*, *тот*:

«воскреснет весь он в красоте своего непорочного детства, каким был он в тот ужасный июльский день» (495)

В предложениях нерасчлененной структуры опорным компонентом может быть компаратив, это так называемые компаративные предложения:

«Уже сидя в повозке, в старомодном платье, перешитом из матеиноного, в криво надетой детской шляпке, больше похожая на странно наряженную некрасивую девушку, чем на подростка, - она равнодушно поглядывала на суевившегося дьякона своими волчьими глазами и говорила отцовским сухим голосом» [1, с. 531].

Сравнительная степень здесь необходимый элемент структуры предложения, без него сравнение невозможно; союз *чем* в подобной конструкции считается наиболее употребительным и стилистически нейтральным. Однако в такого рода предложениях происходит ослабление присловной связи и сближение сравнительных отношений с

отрицательно-противительными. В предложениях с опорным компонентом компаративом устанавливаются отношения различия, несходства.

В сравнительных предложениях со сравнительной степенью придаточная часть обычно характеризуется неполнотой состава, чаще всего опускается сказуемое. Однако в некоторых случаях сказуемое может воспроизводиться. Это происходит, например, когда сравниваются непосредственно действия, или сказуемое придаточного предложения имеет другое лексическое выражение:

«все недоступнее и суровее становилось лицо попа – точно каменело оно под градом больно бьющих, нудных слов мужика» [1, с. 511].

Сравнительные отношения выражаются также предложениями с расчлененной структурой. В таких конструкциях придаточная часть относится не к какому-либо слову в составе главной части предложения, а ко всей этой части. Союз является основным показателем грамматической связи, а, следовательно, семантически специализирован. Сравнение может быть достоверным и недостоверным. Недостоверное сравнение имеет значение субъективной оценки:

«и на суровом, недоступном лице его [о. Василия] улыбка разбежалась в тысячах светлых морщинок, как будто солнечный луч заиграл на темной и глубокой воде» [1, с. 530].

Союз *как* может участвовать в оформлении как достоверного сравнения, так и недостоверного. При достоверном сравнении устанавливаются отношения тождества. Так как союз *как* наименее семантически специализирован, то важную роль играет тождество или параллелизм сказуемых главного и придаточного предложений:

«И когда приходил страшный запой, попадя исчезала в темноте своей комнаты, как прячутся собаки, почувствовавшие начало бешенства» [1, с. 517].

Предложения с союзами *словно*, *как будто*, *точно* отличаются своею модальностью от предложений с союзом *как*, уровень субъективности сопоставления здесь выше, а связь с объективной реальностью меньше:

«Молодая попадя, прибежавшая на берег с народом, навсегда запомнила простую и страшную картину человеческой смерти: и тягучие, глухие стуки своего сердца, как будто каждый удар его был последним; и необыкновенную прозрачность воздуха, в котором двигались знакомые, простые, но теперь обособленные и точно отодранные от земли фигуры людей» [1, с. 489].

Союз *словно* может иметь значение как достоверности, так и недостоверности сравнения, поэтому дифференцирует значение контекст. Если нет лексического уподобления сказуемых, то перед нами недостоверное сравнение:

«Позже всего дошли слухи до города - словно больно и трудно им было продираться сквозь каменные стены по шумным и людным улицам. И какие-то голые, ободранные, как воры, пришли они - говорили, что кто-то себя сжег, что открылась новая изуверская секта» [1, с. 536].

Субъекты главной и придаточной частей могут совпадать.

«Был он сильно утомлен и бледен, и до колен мокр, и покрыт грязью, как будто долго и без дорог бродил он по размокшим полям» (521)

В предложениях подобного типа не всегда указывается признак сравнения:

«И такая тишина стояла, словно никогда и никто не смеялся в этой комнате...» [1, с. 501].

В подобных конструкциях нет необходимости в обозначении предметной общности сопоставляемых ситуаций, так как союзы недостоверного сравнения достаточно ясно квалифицируют его характер.

Помимо сложноподчиненных предложений сравнения могут иметь другую структуру. Многочисленны в повести конструкции с творительным падежом.

Благодаря отсутствию сравнительного союза как сравниваемые реалии сливаются в один образ, что усиливает зрительное восприятие.

«мучительные, дикие сны огненной лентой развивались под его черепом» [1, с. 514].

В немногочисленных конструкциях образ сравнения представлен существительным в родительном падеже:

«наглыми глазами нищего, пьяницы и вора» [1, с. 520].

Родительный падеж здесь имеет определительное значение, определение осуществляется по сходству реалий.

Небольшую группу составляют сравнения, которые оформляются с помощью специальных лексических средств – слов *похожий, подобный*.

«Но Семен почувствовал эту мысль в виде смутной тревоги, похожей на внезапную и легкую тошноту, и остановился» [1, с. 541];

«хохот, подобный грому, наполняет тихую церковь» [1, с. 553].

В конструкции *похожий на кого-либо/что-либо* (предложное управление Вин. п. с предлогом *на*), *подобный кому-либо/чему-либо* (беспредложное управление Дат. п.) подчинительная связь у прилагательных совпадает с глагольным управлением.

Редко использует Л. Андреев отрицательное сравнение, в котором содержится резкое противопоставление одного образа другому:

«и так долго он [Мосягин] рассказывал об этом, как будто не пирог съел, а совершил убийство...» [1, с. 512].

В повести «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреев с помощью сравнений описывает внешность героев, их чувства, мысли, поступки:

««И был отвратителен и страшен его [идиота] вид: на узеньких совсем еще детских плечах сидел маленький череп с огромным, неподвижным и широким лицом, как у взрослого» [1, с. 499];

«Приятно стало и о. Василию, но только на мгновение: уже через два шага та же постоянная дума, тяжелая и тугая, как мельничный жернов, придавила воспоминание о старостиных добрых словах и на пути к устам раздавила тихую и несмелую улыбку» [1, с. 505];

«Самую жизнь свою перестал он чувствовать - как будто порвалась извечная связь тела и духа, и, свободный от всего земного, свободный от самого себя, поднялся дух на неведомые и таинственные высоты» [1, с. 527];

«Настя ... я вошла, а она стоит перед зеркалом и делает лицо, как он, и руки, как он ...» [1, с. 507].

Различные стояния природы, предметный мир, мир звуков и тишина также описываются с использованием сравнительных конструкций:

«И снова бежит навстречу новым звукам, неутомимая, злая и такая хитрая, как бес [о метели]» [1, с. 538];

«Замерзшие окна, запущенные инеем, светлели под огнем и искрились, были непроницаемы, как стены, и отделяли людей от серой ночи» [1, с. 536];

«Бо-о-м! – падает второй, глухой, вязкий и разорванный [удар], точно захватило ветром широкую пасть колокола, он задохнулся и стонет» [1, с. 538];

«И тишина стояла немая и тяжелая, как будто задумался безысходно кто-то большой, опустил глаза и молчит» [1, с. 544].

Систему образов сравнений можно разделить на несколько групп. Первая группа – природный мир, сюда будут отнесены: 1) анималистические образы, 2) растительный мир, 3) природные объекты, 4) космические тела.

«Идиот облизнул губы длинным, как у животного, языком» [1, с. 533];

«За полгода жизни у Ивана Порфирыча он [Мосягин] стал гладкий и круглый, как свежий огурец» [1, с. 541];

«И чудны были его [о. Василия] мысли – яркие и чистые они были, как воздух ясного утра» [I, с. 528];

«Среди людей он [о. Василий] был одинок, словно планета среди планет» [I, с. 489].

В большинстве случаев в таких сравнениях писатель опирается на языковые традиции, по-своему перерабатывая их. Если в общеязыковых сопоставительных оборотах чаще всего основой является какое-либо внешнее сходство, то для автора повести «Жизнь Василия Фивейского» важна внутренняя сущности того, что он берет в качестве образа сравнения:

«глазами, простыми и загадочными, как глаза зверя» [I, с. 509].

Вторую группу составляют предметно-бытовые образы сравнений:

«Телега дернулась, встряхнув Настю, но уже в следующее мгновение она снова стала прямою, как палка» [I, с. 531].

В тех случаях, когда в качестве образов сравнений выступают какие-либо реалии предметного мира, сравнения наглядны, так как опираются на чувственный опыт читателя:

«жуткая, ненарушимая тишина железными кольцами охватила ее [попадья] голову и грудь» [I, с. 501].

Третья группа – образы, связанные с религиозными представлениями, культом, представлением о двоемирии и смерти:

«он [староста] верил, что волосы приносят ему особенное счастье. Он верил в это так же крепко, как и в Бога, считал себя избранником среди людей» [I, с. 493];

«Подобно жертвеннику, пылала его [о. Василия] душа» [I, с. 518];

«Был он [о. Василий] темен и страшен, как тень из другого мира» [I, с. 530];

«Руками он [о. Василий] с такою силою держался за решетку, что концы пальцев его побелели, как у мертвого» [I, с. 550].

Обилие образов сравнения, связанных с темой смерти, вызывает у читателя ощущение бренности всего сущего:

«А лицо его было бледно прозрачной бледностью смерти, и вокруг глаз лежала черные круги, как будто притаилась там ночь и не хотела уходить» [I, с. 523];

«И натываясь на стену он, [о. Василий] бегло ощупывал ее костлявыми пальцами и бежал назад; и так кружился он в узкой клетке немых стен, как одна из фантастических теней, принявшая страшный и необыкновенный образ» [I, с. 516].

Образами сравнений могут быть отвлеченные понятия:

«И надвигалось что-то огромное. Вот пришло оно и стало и охватило их [людей] пустым и всеобъемлющим взглядом – огромное, как пустота, страшное, как вечное молчание» [I, с. 523].

Отвлеченные сравнения лишены наглядности, но они передают важную с точки зрения автора мысль о человеке как части мироздания. Герой живет в едином ритме с космосом:

«И так ходил он [о. Василий] медленно, как само время, а на постели сидела бедная женщина, замирающая от страха, и медленно, как время, двигались ее глаза и следили» [I, с. 523].

Названия лиц, разных социальных и возрастных групп, люди, ущербные в каком-либо отношении, также могут быть образами сравнений:

«Не отходя от двери, она [Настя] осторожно присела на краешек стула, как служанка, сложила руки на коленях и ждала» [I, с. 508];

«Попадья улыбалась радостно и светло, как ребенок» [I, с. 500];

«Он [о. Василий] вскочил, резким опрокинув стул, и быстро заходил по комнате, потрясая сложенными руками, что-то шепча, натываясь на стулья и стены, как слепой или безумный» [I, с. 516].

Отсутствием яркой образности характеризуются сопоставления, но они выполняют важную идейную функцию: подчеркивают общие черты членов одной семьи, показывают, что жизнь одного человека подобна жизни других людей:

«Быть может они [родственники умершего] слышали запах, но не верили ему; быть может, они его не слыхали и думали, и верили, что хоронят живого – как думают все люди, когда одного из них, такого близкого, такого родного, такого неотделимого берет неожиданная и быстрая смерть» [I, с. 547].

Одним из приемов, которые использует Л. Андреев – это неожиданность сопоставления:

«К концу первой недели пришли две старухи, серомглистые, глухие, как самый воздух умиравшей зимы» [I, с. 510].

Часто писатель нагнетает сравнения, что усиливает экспрессивность описания:

«ужасно и безвозвратно лишен этот человек [калека] всего человеческого, на что он имел такое же право, как короли в своих палатах, как святые в своих кельях» [I, с. 520].

Некоторые сравнения в повести являются повторяющимися, акцентируя внимание читателя на определенной детали внешности персонажа или его характера:

«ответил Мосягин и дружески оскалил белые зубы, такие ровные, как будто они были отрезаны по нитке» [I, с. 510].

«Широко открытый рот [Мосягина] с чистыми и ровными, точно по нитке обрезанными зубами, был туго набит золотистым песком» [I, с. 542].

Анализ сравнений повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» позволяет сделать следующие выводы:

- Структура сравнений в повести представлена почти всеми возможными в русском языке случаями.
- С помощью сравнений обрисованы портреты героев, их чувства, поведение, внешний мир.
- В качестве образов сравнений используется лексика разных семантических групп: предметный мир, животные, растения, космические тела. Во всех случаях можно говорить о чрезвычайной субъективности изображаемого.
- Л. Андреев часто сталкивает конкретное и абстрактное, реальное и ирреальное в пределах одного сравнения.
- В ряде случаев писатель опирается на общеязыковые сравнения, но обновляет их, показывая новые смысловые и эмоциональные возможности тропа.

1. Андреев Л. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Леонид. Собр. Соч.: В 6 т. Т.1. м., 1990.
2. Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892-1906). Л.: ЛГУ, 1976.
3. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959.
4. Шелогуров Г. Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX в. М.: МГУ, 1986. С 122-135.

Гурченко В. И.

Инвективная лексика в англоязычном воспитательном дискурсе XIX – XXI вв.

*Воронежский государственный лесотехнический университет
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/sr-10-08-2019-51

idsp: sciencerrussia-10-08-2019-51

Аннотация

Статья посвящена анализу инвективной лексики в англоязычном воспитательном дискурсе XIX – XXI в. На языковом материале литературных